

В издательстве "Музыка" в серии "Диалоги об искусстве" выходит книга "Как это было" (Тихон Хренников о времени и о себе). Диалоги с Хренниковым вела и тексты обрабатывала главный редактор издательства "Музыка" Валентина Рубцова.

Фрагменты этой книги, с любезного разрешения авторов, мы предлагаем нашим читателям.

Кто за то, чтобы... (Принято единогласно)

А теперь о том, что касается событий 1948 года. [...] В Большом театре поставили оперу Мурадели "Великая дружба". Я присутствовал на премьере оперы. Она была слабая, драматургически неинтересная. Никакого там, конечно, формализма не было: опера — я бы сказал — была просто примитивна. И вдруг...

Я тогда работал в Рузе. В один прекрасный день всех, кто, как и я, находился в Рузе, повезли на совещание в Центральный Комитет партии. Это было презабавно к постановлению 1948 года о музыке — совещание деятелей советской музыки, на котором выступал Жданов. [...]

На совещании присутствовали все крупнейшие композиторы — и Прокофьев, и Шостакович, и Мясковский, и другие. Первым выступил Жданов. Доклад его был очень интересен. Кстати говоря, доклад он не читал. Это в более поздние времена нас приучили к тому, что доклад обязательно должен быть писан и читан по бумажке. На фоне же старой интеллигенции, которая еще сохранялась в 40-е годы, выступление по бумажке высокого чиновника, ведающего вопросами культуры, было недопустимо. Особенно если этот чиновник стремился расположить к себе деятелей искусства.

В действительности Жданова, конечно, много было негативно-го, особенно в том, что касается его выступлений по поводу А. Ахматовой и М. Зощенко. Жданов был человек своего времени, проводил сталинскую политику. По-видимому, был человеком очень жестким. Но справедливости ради надо сказать, что он был талантлив. И доклад сделал очень темпераментный. Вероятно, у него были какие-то тезисы, записки, но он их не читал. Когда речь дошла до высказываний Серова и Стасова, он попытался отыскать выписки, но потом махнул рукой и процитировал на память.

Когда Жданов кончил доклад, ему аплодировали все, кто сидел в зале: и Шостакович, и Прокофьев (я сидел позади Прокофьева), и другие. Аплодисменты были долгие, очень долгие и единодушные. И многие музыканты искренне разделяли позицию доклада.

Совершенно секретно

Я старый музыкант, но я никогда не замыкался в рамки узкого жанра: я любил Баха, Бетховена, Шопена, но я с радостью слушаю и сенсационные вальсы Штрауса. [...] А сейчас я устал от фальшивых нот. [...] Когда я слушаю грохочущие фальшивые сочетания современных симфоний и сонат, я с ужасом чувствую, страшно сказать, что этим звукам более свойственно выражать идеологию вырождающейся культуры Запада, вплоть до фашизма, чем здоровую природу русского советского человека.

Докладная записка проф. А.В. Гольдштейна [А.А. Жданову]

Доклад Жданова известен, он был напечатан, но буду его повторять. По поводу доклада потом ходило немало небывших. Как-то в руки мне попались мемуары одного из наших известных писателей. Перелистал книгу и вдруг попал на то место, где автор пишет, что по рассказам, на совещании музыкальных деятелей Жданов сидел за рояль и показывал Прокофьеву и Шостаковичу, как им надо сочинять музыку и т.д. Признаться, мне стало стыдно, когда я прочитал эту сказку. В ЦК никогда не было инструмента и уже по этой причине Жданов никак не мог сесть за инструмент. Это был зал заседаний ЦК, в котором, как помнят очевидцы, музыкальные инструменты не водились.

И еще одно соображение. Конечно, Жданов был человеком очень самоуверенным, но не настолько, чтобы играть в присутствии цета советской музыки. Ведь в зале сидели выдающиеся музыканты! Рассказывают, что где-то, когда-то на каких-то вечерниках и сборищах Жданов действительно любил садиться за инструмент и играть вальсы. Под эти вальсы танцевали высокие лица. Но не более.

Итак, выступление Жданова было встречено единодушным шквалом аплодисментов. [...]

Я тоже выступал на этом совещании. Говорил что-то в основном молодежи. Во всяком случае, не думал, что после этого разругают такие серьезные события. После совещания уехал в Рузу, потом вернулся в Москву.

И вот однажды, в одиннадцать часов ночи мне звонит из ЦК и просит немедленно приехать туда. Работа в ЦК по ночам, как известно, в то время была нормой. Моя жена Клара страшно забеспокоилась. Однако делать нечего, надо ехать. Звонили от имени Д. Шепилова, который был тогда заместителем начальника аппарата ЦК.

Приехал. Вижу в приемной Голованова, Свешникова, Арама Хачатуряна, кого-то еще. Спрашиваю: зачем пригласили? Никто ничего не знает. Первым вызвали в кабинет к Шепилову Хачатуряна. Он вышел оттуда очень расстроенный, подошел ко мне:

— Я тебя поздравляю.
— С чем ты меня поздравляешь?
— Сейчас узнаешь.

Попрошался со всеми и уехал домой.

Потом вызвали Голованова. Через некоторое время Голованов вышел и сказал, что его опять назначили художественным руководителем Большого театра вместо Самосуда. Потом пригласили Свешникова. Через некоторое время он вышел оттуда. Спрашиваю:

— Что там такое?
— Вот, — говорит, — меня назначили ректором консерватории, Шабелана отстранили.
— А кто назначает и отстраняет?
— Зачитывают приказ Сталина.

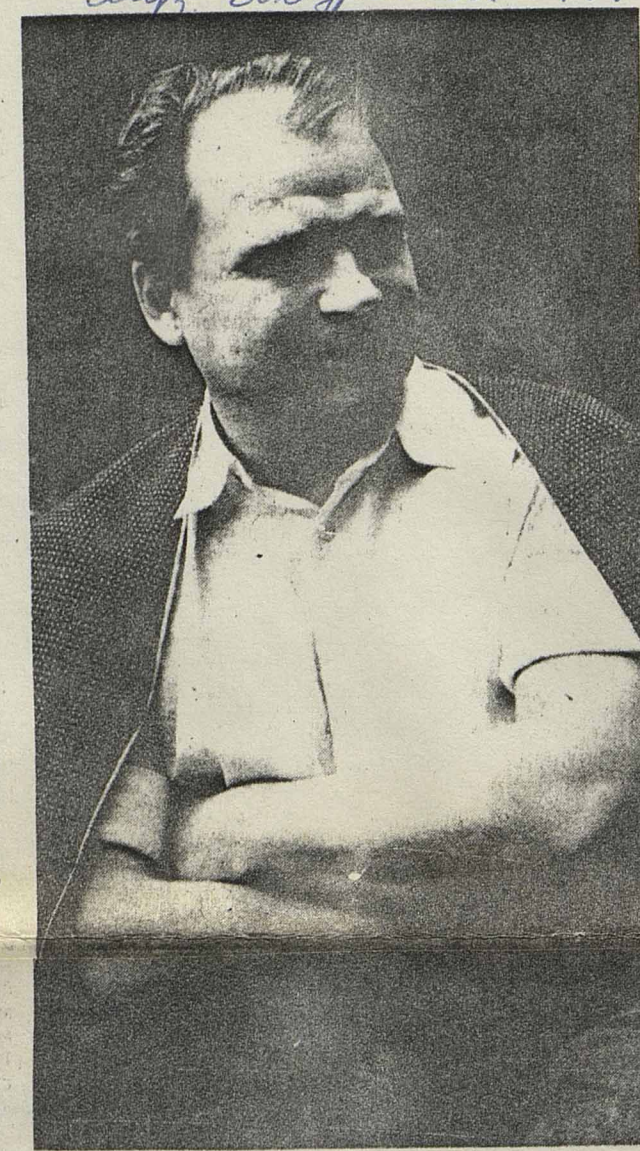
Последним пригласили меня. Шепилов протягивает бумагу и говорит:

— Вот, прочитайте.

Читаю распоряжение, подписанное Сталиным, где написано о том, что Председателя Оргкомитета Глиера и его заместителя Хачатуряна отстранить от работы в этом комитете. Председателем назначить Асафьева, Генеральным секретарем

ТАК ЭТО БЫЛО Тихон Хренников о времени и о себе (глава из новой книги)

изд. обозрение. - 1994 - июль - август (№ 7-8) - с. 14-15

— Ну, как дела? — спрашиваю.
— Вы знаете, — отвечаю, — совершенно не знаю, что мне там делать.

— Вам там помогут советами.

Речь шла о Б.М. Ярустовском, который тогда работал в ЦК. И он действительно взялся наставлять меня. В итоге это потом очень печально для меня кончилось. Со мной случился ужасный нервный срыв. Ярустовский сам был очень нервный человек и тряс меня за душу все время нещадно.

— Самая главная ваша задача, — продолжал Жданов, — организовать сейчас как можно больше поездок. Композиторы должны общаться с жизнью, а не смотреть на свой собственный пуп.

Не ручаясь за дословную точность пересказа всего разговора со Ждановым, но признаюсь, довольно долго был в шоке по поводу его рассуждений о композиторах, которые "все время смотрят на свой собственный пуп и не знают, что вокруг них происходит в жизни". Похоже, что это была главная мысль Жданова, он ее много раз повторял. Естественно, что это мне крепко запомнилось, хотя такой бесцеремонный пассаж по поводу художника запомнится, даже если он и не повторен, а сказан однажды. Соответственно и все советы Жданова исходили из главной мысли, а именно: композиторам нужно обратить лицом к жизни. Надо сказать, что при этом он ничего не говорил, как я должен себя вести, и уж во всяком случае не требовал от меня какой-то жесткой политики, жесткой линии.

Во время нашего разговора вошел А. Кузнецов, который был тогда секретарем ЦК (он прибыл из Ленинграда и потом был расстрелян). В тот момент готовился какое-то постановление ЦК по поводу антирелигиозной пропаганды, и Кузнецов принес его проект. Читая текст, Жданов остановился и произнес:

— Нам нужно думать о лекторах.

И стал рассуждать, что они, как правило, очень плохие, а потому не могут ответить на вопросы. По этому случаю Жданов рассказывал эпизод с одним из лекторов ЦК. Явившись однажды в колхоз с лекцией и поясняя старикам и старухам, что Бога не существует, этот лектор был поражен единственным заданным ему вопросом по поводу того, что если уж он все знает, то как объяснить, что одна и та же трава, идущая в корм корове, лошади и козе, превращается в навоз разной формы и качества. Ответа sobrevишес не услышали, зато услышали назидательную реплику спрашивавшего:

— Ты в г... не разбираешься, а говоришь, что Бога нет.

Рассказ об этой истории Жданов закончил словами о том, что нужны профессиональные кадры, пропагандисты, знающие жизнь и могущие ответить на все вопросы.

Композиторы начали задить. Как-то постепенно мы стали организовывать такие поездки, обсуждать их. Вообще обсуждения были для меня новой областью, и чувствовал я себя здесь неутоно. В ту пору после очередного постановления ЦК обычно arose протесты: валилась волна обсуждений — в Союзе композиторов, консерватории и т.д. Обычно я не ходил никуда. Бывал только в Союзе и держался весьма скромно, инициаторов таких обсуждений — а их было у нас не мало — обходил стороной. И вот после подобного общественного опыта на меня свалилась задача готовить съезд композиторов. Конечно же, я его готовил не самостийно, были в нашей среде и идеологи, и советники, и старшие товарищи, и активисты, и просто люди, честно верящие в объективность и в разумную необходимость развивающихся событий. Кстати сказать, Председателем Оргкомитета советских композиторов, как я говорил, тогда уже был академик Б.В. Асафьев, его доклад открывал съезд. Асафьев, правда, был болен, и текст читал В. Власов.

На съезде было пятьсот делегатов, избран большой Президиум, куда входили как члены нашей композиторской организации (Асафьев, Гедике, Глиэр, Кара Караев, Коваль, Шаполин, Чулаки, Жиганов и др.), так и видные музыканты (не композиторы), деятели музыкального искусства (Голованов, Самосуд, Павловский, Гнесин), смежных искусств. От Союза писателей — Фадеев, Симонов, Борис Горбатов; от Союза художников — Герасимов, Мухина; от Всероссийского театрального общества — Яблочкина. Были и сановники разных рангов — Шепилов, например, и еще многие другие.

Съезд состоялся в апреле 1948 года и открылся с большой торжественностью.

Мы открываем наш первый съезд, вооруженные мудрым Постановлением ЦК ВКП(б) по вопросам музыкального творчества, в атмосфере огромной заботы и внимания к нам нашей славной большевистской партии и всего народа. С трибуны Съезда мы будем говорить перед лицом всего мира, отстаивая лучшие традиции русской и западноевропейской музыки.

Василенко С. [Вступительное слово].

Мотив обращения к постановлениям ЦК в выступлениях на съезде звучал постоянно. Практически все выступавшие цитировали или ссылались на постановление "Об опере "Великая дружба" Б. Мурадели". И будь это столичный музыковед или композитор из далекой среднеазиатской республики, музыкант, разделяющий радикальность взглядов руководящего документа, или автор, критикующий за формалистические сачинения, — все они и каждый в отдельности, выступая публично, находили и отмечали в тексте постановления правильные и справедливые мысли. Я думаю, что в основном это делалось искренне, и только тот, кто прошел через те годы, сможет оценить жгучую горечь такой искренности. Хотя есть и

разные в этой горечи. У того, кто критиковал, — густела и крепчала.

В этом — великое историческое значение этих замечательных документов, которые мы должны глубоко изучать и к которым мы будем вновь и вновь обращаться в нашей творческой деятельности.

Доклад Б. Асафьева.

Имя Сталина также возникало каждый раз, когда заходила речь о каких-либо серьезных вопросах или общих проблемах, что типично, как известно, в целом для той эпохи.

Думаю, что могу не рассказывать подробно о съезде. Есть материалы. Они известны. В конце концов состоялся выбор с тайным голосованием Правления Союза композиторов СССР, а на следующий день первый пленум нового Правления. Здесь меня выбрали Генеральным секретарем Союза композиторов, Председателем Союза был избран Асафьев.

Выступающих было довольно много. Говорили о разных проблемах. Естественно, когда собрался люди из разных городов, республик, возникло желание рассказать о работе своих творческих организаций, кто-то делился сообщениями о достижениях и старался не забыть о сакрификте. Говорили о том, что думают, и о том, над чем надлежит думать.

Совершенно секретно

Помимо Мурадели до конца дня 23 апреля ни один из композиторов-формалистов не выступил, хотя Д. Шостакович постоянно присутствовал в зале, иногда появлялся в зале Хачатурян. Такое положение привело к принятию меры для более правильного направления прений. Было проведено совещание руководителей делегаций — членов партии, на котором было рекомендовано побеседовать с записавшимися в прениях с целью придать более принципиальный и критический дух их выступлениям, а также высказать мнение о целесообразности обращения в Президиум съезда с письмом по поводу "заговора молчаливых" формалистов. Такое письмо от имени ленинградской делегации было ослано 23-го апреля и вызвало сочувственные отклики в зале.

Ильичев Л. Докладная записка секретарям ЦК ВКП(б) Жданову А.А., Кузнецову А.А., Суслову М.А., Попову Г.М.

С этого момента я исполнил свои обязанности уже не по приказу Сталина, а на основе вынесенного съездом решения. На съезде и после него я оказался в двойственном положении. С одной стороны, критикуемый Арам Хачатурян — мой друг, Мурадели — также мой друг. Шостакович относился ко мне великодушно, я же к нему — с огромным почтением. У Прокофьева я занимался, и вообще он был для меня в музыке богом. И вот теперь другая сторона: на съезде мне приходится читать доклад, где звучит многократно резкая критика в их адрес.

Формализм крепко внедрился в сознание Шостаковича, Прокофьева и ряда других видных композиторов.

Доклад Генерального секретаря Союза советских композиторов Т. Хренникова "Тридцать лет советской музыки и задачи композиторов".

Доклад был написан не мною, но от этого мне не было легче ни тогда, ни сейчас. Написала доклад группа лиц. Из них некоторые живы и ныне. Я не хочу называть их фамилий. В основном написанием доклада руководил Ярустовский. Междурядную часть доклада писали В. Городинский, С. Шлифштейн, еще кто-то.

Что касается междурядной части, то это разговор особый. Мы были в то время настолько оторваны от международной музыкальной жизни, что сейчас это до конца понять и представить невозможно. Не было никакого общения. Была самая настоящая глухая стена между нашим музыкальным искусством и искусством Запада. Мы почти не знали, что делается за рубежом, информации никакой не было. Уже потом, когда в пятидесятые годы я на практике начал вникать в международные музыкальные дела, мне стало ясно, какая чушь была написана в этом докладе о мировой музыкальной культуре.

Известно, что Постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля вызвало множество откликов в буржуазной прессе Западной Европы и Америки.

В огромном большинстве случаев эти "комментарии" иностранной прессы носят неприкрытый враждебный характер. Постановление ЦК ВКП(б) сделано за живое буржуазное формалистическое в музыке, и в бессильной ярости многие из них пишут такую отвратительную чушь, что ее положительно стыдно читать.

Продажные буржуазные писки недовольны критикой формализма. Их приворот в бессильное бешенство честный и открыто выраженный боевой демократизм нашей эстетики, ее истинная и высокая народность.

Доклад Т. Хренникова.

Тогда же пришло сознание, что вообще прочитанный мною доклад — нелепость, дикая несуразица. В основном он повторял постановление, но только в более размысленном виде.

Я много раз и тогда и сейчас размышляю о той двойственности моего положения, о которой я только что сказал и в которую я попал в результате событий 1948 года, обреченный необходимостью вести их линию. Но я считаю, что, может быть, мое назначение на пост в Союзе композиторов СССР было лучшим выходом из положения в те годы.

Ибо единственное, к чему я стремился и тогда и потом, — смягчить все удары, которые сыпались на нашу композиторскую организацию и ее конкретных людей.

Прежде всего надо сказать, что было неспокойно в самой композиторской организации. Люди, имеющие различные художественные взгляды и убеждения, нередко обвиняли друг друга в одном и том же — формализме, понимая и трактуя его каждый по-своему.

Совершенно секретно

В течение десяти лет мне довелось вести неприкрытую борьбу с космополитами, носителями "идей" атональности и буржуазного распада музыки: Мазелем, Рыжковым, Житомирским, Шлифштейном, более широко: с целой группой, организацией и "приметками" слоненной, враждебной нашей жизни [...] действующей против советской музыкальной культуры и ее кадров прощисскими методами. [...] они были опорожены и разоблачены именно той борьбой в культуре и на трибунах, которую я вел с ними долгие годы [...] И вот именно меня помещают в один список с ними!

В. Скорняков. [...] основные кадры космополитов-антипатристов, такие люди, как Келдыш, Гаврилов, Коган, Чукавин, Рыжков, Городинский и др. Здесь, в Союзе, их особенно много, не в протопричи с другими союзами, где остатки вражеских группировок были по-настоящему раскаты.

Письма музыковеда А.С. Оголева о некоторых композиторах и музыкальных критиках.

В таких случаях достичь согласия бывало очень трудно, поскольку в конфликты оказывались вовлеченным широкий круг людей, интересы которых часто оказывались несоместимыми.

Случалось и так, что какие-то разногласия возникали и в руководстве Союза. При всех ситуациях я предпочитал все же не принимать крайних мер. Обсуждение произведения, критика идейных позиций казалась мне пределом того, что можно допустить по отношению к музыканту, придерживающемуся других стилевых и вкусовых ориентиров. Поэтому я всегда был против исключения из членов Союза композиторов каких бы то ни было инанкомыслящих.

Совершенно секретно

Выражая мнение всей организации Союза композиторов и перефразируя музыкальную общественность, [...] Секретариат Союза композиторов считает необходимым, на основании положений Устава Союза советских композиторов, исключить из рядов Союза музыковедов А.С. Оголева и С.И. Шлифштейна, являющихся ярыми апологетами формалистического направления в советской музыке и музыкальной теории, не проявивших какого-либо желания к действительной творческой перестройке в духе указаний ЦК ВКП(б) о музыке, к коренному изменению своего общественного лица как музыкальных деятелей советской творческой организации.

Чулаки М. [Письмо] Г.М. Маленкову 29 мая 1949 г.

Совершенно секретно

В мае Секретариат Союза советских композиторов СССР представил в Центральный Комитет ВКП(б) свои соображения о дальнейшем пребывании в Союзе советских композиторов музыковедов А.С. Оголева и С.И. Шлифштейна.

Несмотря на то что Оголев и Шлифштейн были выявлены как наиболее ярые представители космополитизма как апологеты формалистического направления в советской музыке и музыкальной теории, Секретариат Союза советских композиторов, в настоящее время, считал бы возможным пока не ставить вопроса об исключении их из рядов нашей творческой организации. Секретариат Союза рассматривает на то, что в результате выступлений газет "Правда" и "Культура и жизнь" общественное возмущение Союза композиторов Оголева и Шлифштейн сумел перестроиться и принять участие в общей нашей работе над осуществлением исторических решений ЦК ВКП(б) о музыке.

Хренников Т. [Письмо] Г.М. Маленкову. 13 сентября 1949 г.

Поскольку в это время композиторская организация оказалась в центре внимания общественности и органов, ведавших вопросами искусства и культуры, откуда тоже периодически исходили "инициативы". Они могли возникать в связи с письмом какого-нибудь колхозника или рабочего, возмущенного самим фактом существования музыкантов-формалистов на советской земле. Могли родиться от усердия чиновника, большого или маленького, радующегося общему делу и доблестное исполнение своих обязанностей.

Совершенно секретно

Комитет по делам искусства установил, что музыковеды И. Базза, Л. Мазель, И. Мартынов, Д. Житомирский, Г. Шнейерсон, С. Шлифштейн на протяжении ряда лет в печати и в публичных лекциях пропагандировали "идеи" современного упадочного буржуазного музыковедения, противопоставляя низкоквалифицированному перед разлагающейся буржуазной культурой, укаяния роль и значение русской классической музыки, систематически пропагандировали формалистическое направление. [...] Комитет по делам искусства считал бы целесообразным привлечь к суду чести Житомирского, Баззу, Шнейерсона, Мазеля, Шлифштейна, впервые же очередь необходимо было бы судить троих из них, остальные же должны фигурировать в ходе суда в качестве свидетелей во время допроса, в речи общественного обвинителя и т.д.

Лебедев П. [Докладная записка] секретарю ЦК ВКП(б) Жданову А.А. "Об организации суда чести над музыковедами-формалистами" с резолюцией Жданова от 13 марта 1948 г. для Суслова: "Мнение АПО ЦК: Надо обдумать. Дело сомнительное".

Гасить подобные инициативы было очень трудно. К тому же много хлопот доставляли и средства массовой информации, к примеру, газета "Советское искусство". В то время ее ответственными редакторами был В.Г. Вдовиченко — один из тех, кто жаждал жертв и крови. Сражались мы с ним яростно. Приходилось писать даже в ЦК по поводу того, что он мешает советским музыкантам перевооружиться в соответствии с указаниями постановления. Знаю, что и Вдовиченко слал на нас туда свои доносы.

Совершенно секретно

Ни в одной области у нас нет такого нездорового положения с критикой, как в музыке. Группировка, теоретическая работа, укрывательство космополитов и формалистов, беспринципность, интриганство — вот что характеризует в значительной мере нынешнее состояние музыкального искусства и критики. [...] Одновременно прошу учесть, что в Союзе советских композиторов нет ни одного по-настоящему партийного человека, который бы сумел во всем трезво разобраться, ликвидировать имеющиеся недостатки и направить всю деятельность музыковедов и критиков по пути, указанному партией.

Вдовиченко В.Г. [Письмо] Г.М. Маленкову от 17 марта 1949 г.

Сражаясь с теми, кто жаждал дальнейших репрессий, наш Союз стремился обратить внимание общественности на значительность творческих завоеваний великих советских композиторов. Внешне это выглядело так: уже через год некоторые из поименованных в постановлениях композиторов стали получать Сталинские премии. Шостаковичу Сталин в 1949 году звонил домой и просил поехать в Америку в составе советской делегации. Шостакович, когда ему ранее предлагали эту поездку, поехать не захотел и отказался. И только после того, как Сталин позвонил ему домой и попросил об этом, Дмитрий Дмитриевич отправился в Америку.

Это были в то время первые высылки за рубеж деятелей советского искусства. Сейчас их смысл понять невозможно, так же как и представить атмосферу внутри страны и наше ощущение за ее пределами. Все мы были воспитаны в преданности идеалам и идеям партии, в преданности вождю партии — "отцу народов", как тогда говорили. В этом смысле партия в ту пору добилась такого единства в вере и воодушевлении, которое — не знаю — встречалось ли в истории. Тот, кто лично не посетил беда в 1937 году, был искренен в своей вере. Кто же знал о беде по своей семье, даже в 1937 году все же, как правило, не знал всей картины в целом. И даже Хрущев, в то время член Политбюро, пишет в воспоминаниях, что всей полной картины того, что происходило, он не знал. Но об этом опять же написано очень много.

Итак, я вижу основную смысл своего существования на посту руководителя Союза композиторов в те годы (Асафьев в 1948 году скончался) в том, что мне удавалось смягчать все острые углы, когда на музыкально-творческую интеллигенцию обрушивалась очередная критика.

Не то что бы мне приходилось кривить душой — говорить одно, а делать другое. Как и все, я жил с ощущением некоей потенциальной высшей справедливости в нашем обществе. И многие факты, казалось, об этом свидетельствовали. В области искусства и руководства им работало много талантливых людей. Это позже руководство в сфере искусства обезличилось и вырос отряд бездарных чиновников от культуры. Сталин был в этом отношении умен и умел завоевать в среде художественной интеллигенции авторитет просвещенного и великодушного вождя. Когда же на эту интеллигенцию обрушивались с гонениями, следом вскоре находились враги, которые оказывались в этом повинными. Постоянно создавалось впечатление, что генеральная линия в нашем обществе — движение к справедливости и существование Сталина — тому гарантия.

В представлении миллионов людей Сталин превратился в мифического полубога; все с трепетом повторяли его имя, верили, что он один может спасти Советское государство от нищеты и распада.

Мы думали (вероятно, потому, что нам хотелось так думать), что Сталин не знает о бессмысленной расправе с коммунистами, с советской интеллигенцией.

Всеголи Эмилевич говорил: "От Сталина скрывают..." Ночью, гуляя с Чукой, я встретил в Лаврушинском переулке Пастернака, он размахивал руками среди сурового: "Вот если бы кто-нибудь рассказал про все Сталину..."

Эренбург И. Люди, годы, жизнь.

Надо сказать, что счастьем для меня оказался тот факт, что моим консультантом в секретариате был Виктор Белый — блестящий ум, мой главный советчик во всех делах. В самых сложных и принципиальных ситуациях я советовался только с ним. Он же обладал умом не только блестящим, но и трезвым. Это был человек, как теперь говорят, взвешенных решений, осторожный. При том Белый оставался чрезвычайно увлекательным в своих творческих интересах, хотя и несколько консервативным в своих вкусах. К музыкальному искусству он относился с большой требовательностью, с каким-то очень здравым восприятием (но не рассудочным). И кроме того, это был талантливый композитор, эрудированный, образованный человек. Я хочу здесь воздать ему должное.

Виктор Белый сыграл огромную роль в моей общественной жизни. Я благодарен судьбе, что он был со мной рядом более тридцати лет. Все ответственные выступления по поводу очередных кампаний мы писали вместе с ним. И он всегда находил такие слова, чтобы все, что сказано, было сказано правильно и в то же время и называлось за это было не за что. Еще раз скажу: я обязан Виктору Аркадьевичу Белому невероятно многим, и советская музыка обязана ему многим хорошим, что происходило в те времена. Мнею в виду в первую очередь политические процессы. И именно он помогал мне амортизировать в Союзе то давление, которое оказывало ЦК.

[...] Одной из нервных прошла кампания космополитизма. В этот момент мои коллеги, которые ругали оперу "В бурю" (например, С. Шлифштейн), ужасно возмущались, что я в эту политическую кампанию буду разделяться с ними. Я же старался, напротив, не называть таких имен. И даже когда в качестве примера борьбы с космополитизмом в Союзе композиторов и назывались отдельные фамилии, среди них меньше всего встречались еврейские фамилии. Короче, из кампании войны с космополитизмом наша организация вышла в буквальном смысле слова без потерь, и тот же Шлифштейн в итоге приходил благодарить меня.

Совершенно секретно

Комитет по делам искусства при Совете Министров СССР считает необходимым сообщить Вам о фактах, свидетельствующих о крайней засоренности аппарата Правления Союза композиторов людьми, имеющими сомнительную политическую репутацию. [...] Ряд композиторов и музыкантов неоднократно сигнализировали о ненормальном положении с кадрами в Союзе советских композиторов и подведомственных ему организациях.

На основании изложенного, считаем необходимым просить Вас, Михаил Андреевич, дать указания генеральному секретарю Союза советских композиторов тов. Хренникову о коренном улучшении состава работников аппарата Союза советских композиторов, Музфонда и редакции журнала "Советская музыка", а также решительно указать руководству секции и комиссии Союза советских композиторов.

Калопин Ф., Анисимов А. [Докладная записка] секретарю ЦК ВКП(б) Суслову М.А. 7 октября 1950 г.

Но таким ходом космополитической кампании в Союзе композиторов остались недовольны. На меня посыпались анонимки. [...] Я заболел, но был сил двигаться, не мог спать. И тогда я взял отпуск [...]

В 1951 году я уже начал понемножку работать, а дальше жизнь в Союзе и у меня как-то налаживалась.

В это время среди моих коллег стали появляться первые лауреаты Сталинской премии. [...]

Кстати сказать, мы много не знали из того, что происходило в те времена в Союзе писателей. У нас было много своих хлопот. А происходило, как мы сейчас знаем, какие писатели. Наш союз был едва ли не единственным, где победные аресты не происходили. Не то чтобы про нас забыли. Наоборот, мне настойчиво звонили, нажимали и требовали отрицательных характеристик. Подобные характеристики из союза были основанием для ареста, потом дела разворачивались по известному сценарию с небольшими вариациями. Так вот, таких характеристик Союз композиторов ни одной не дал.

[...] Я считал своим первейшим долгом заботиться о людях и помогать им, если уж мне на то дана какая-то власть, которая в целом делю хлопотливое и неблагоприятное.

Вот какая история была в связи с 1948 годом. Совесть моя абсолютно спокойна, ибо в НИЧЕГО не сделал плохого всем моим старшим товарищам и младшим коллегам. Поэтому мне себя казнить не за что.

В январе 1989 года от имени Секретариата Союза композиторов я обратился в ЦК с тем, чтобы отменить Постановление ЦК 1948 года. Через несколько месяцев мне позволили отсюда и предупредили, что никакие отмены подобных постановлений сейчас не будет, а что в "Коммунисте" в девятом номере помещена статья, отвечающая на многие просьбы и вопросы по этому поводу. Действительно, такая статья, очевидно, редакционная (без подписи), имеется, и мысли там высказываются справедливые. [...]